

ГАЛИНА Е. АДАМОВИЧ

Mińsk, Białoruś

Литературная классика и белорусский контекст: аспекты взаимодействий

Три ключевых аспекта выделяются в рамках сравнительного изучения белорусской литературы: белорусский (белорусско-инонациональный литературно-художественный) контекст рассматривается как явление межлитературных связей и взаимодействий; белорусский контекст можно представить как системное единство в сфере междисциплинарных соотношений; и он же выступает единицей схождения художественного и научного типов познания.

Сфера межлитературных связей и взаимодействий как основа формирования и развития белорусского контекста

Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом)¹, — писал Михаил Бахтин в поздних набросках *К методологии гуманитарных наук*. В результате сопоставления двух и более литературно-художественных явлений, каждая из которых принадлежит отдельным национальным литературам, выявляются общности, свидетельствующие о единстве мирового литературного развития в целом и вместе с тем привносящие дополнительные черты в систему отечественной литературы. Эти общности определены понятием «контекст». Контекст формируется диалектическими процессами рецепции в системе межлитературных связей: это понятие обозначает не только фон, среду, систему для подсистемы, в которую вписан тот или иной сюжет, образ, произведение. Контекст рассматривается как целостная систе-

¹ М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*, Москва 1986, с. 76.

ма или сопряжение белорусской и мировой литератур, литературы (совокупности всех произведений всех литератур народов мира) и литературной классики — вершинных достижений в ней.

Рецепция мировой литературной классики в белорусском художественном пространстве, а также вхождение белорусской литературной классики в мировую литературу — двусторонний процесс, в результате которого происходит формирование и развитие белорусского (белорусско-инонационального, белорусско-зарубежного) контекста. Он является сферой взаимодействия белорусской литературы и литератур народов мира, дополняющей и обогащающей каждую из них. Двуединство рецепции позволяет выделить две ее составляющие: «белорусский контекст» в мировой литературе и «мировой контекст» в национальном искусстве. Белорусский контекст — органическая часть национального литературного процесса и формально-содержательный компонент мировой литературы.

Понятием «влияние» обозначают процесс воздействия литературы одной эпохи или народа, литературного направления или стиля, творчества того или иного писателя в данном случае на другую (или других) — эпоху, направление, литературу, автора, произведение. И хотя влиянием называют иногда один из видов рецепции (использование творческих принципов одного автора или школы), целесообразно этим понятием определить сумму или разные виды рецепции. В этом смысле понятие «влияние» имеет родовое, обобщающее значение, реализующееся в той или иной его разновидности. Поэтическое наследие крупного белорусского поэта 2-й половины XX в. Максима Танка позволяет выделить разные виды рецепции.

Так, Максим Танк заимствует сюжет о грехопадении Адама и Евы (*Гэты яблык*). Лирический герой стихотворения *Прометэй*, услышав голос вечно страдальца, не находит слов, чтобы ответить богоборцу: на земле, видать, ничего не изменилось, или иначе: принесенный Прометеем и отданный людям огонь, за что титан терпит вечные муки, не принес человеку желанного избавления, тепла, любви. Эта тема продолжена и в стихотворении *Аднойчы ішоў я з Дантэ...*: как оказалось, на Земле не только не уменьшилось, но как раз наоборот — увеличилось число людских грехов.

Интересным способом усиления авторской образности является заимствование образов-предметов. В стихотворении *Зараз мала хто помніць, як выглядаў рамантычны Пегас...* Максим Танк наследует не только образам античного мифа, но и урбанистического Пегаса Максима Богдановича. Под копытом мифического Пегаса, когда тот ударил им, раскололась земля и забила Гиппокрена — источник, дающий вдохновение поэтам. У Богдановича Пегас завернул на улицы Вильни —

і іскры сьпнулі з-пад ног².

² М. Багдановіч, *Поўны збор твораў*, т. 1, Мінск 1992, с. 67.

Белорусский поэт начала XX в. создает урбанистическую белорусскую поэзию, поэтому его Пегас выбивает воду не из земли, но искры из городской мостовой, и, выбитые его копытом, они проникают в душу, воспламеняя новых поэтов. Заимствовав известный образ, осовременив традицию, Максим Танк перенес его в свой мир и удивился, во что же превратился крылатый вестник вдохновения,

з'еўшы зубы на сінтэтычнай траве, / Аслеплены / Ад неонавых электрамаланака, / Аглохлы ад шуму крыл / Журавоў рэактыўных...³

Трэска з дома Шэкспіра — стихотворение, написанное под впечатлением от встречи с наследием Великого Барда. Строители ремонтируют его дом и из тресок разожгли костер.

Я асцярожна з іх адну падняў..., —

так предмет из дома Шекспира становится еще одной „каплей Гиппокрены” для белоруса-песняра. Но следующая строка вызывает противоположные чувства:

Я асцярожна з іх адну падняў, / Якая аказалася санетам⁴.

Очевидно, автор хочет подчеркнуть: посещение дома Шекспира вдохновило его на создание сонета, чем собственно и является данное стихотворение: Шекспир был известным создателем сонетов. Сохранив «трэску з дома Шэкспіра», лирический герой утверждает себя в качестве преемника Шекспира. Воодушевленный тем, что когда-то принадлежало миру английского барда, белорусский песняр создает сонет... но не в традициях Шекспира (три катрена и один двустих), а в иных традициях — итальянского, французского ренессанса (два катрена и два терцета)! Поэт словно провоцирует белорусского читателя, чтобы тот остановился, и, оглянувшись, спросил: что же это было? К этой мысли подводила и художественная деталь — «трэска з дома Шэкспіра», нечто достаточно приземленное, бытовое, что практически не было объектом поэтических песнопений.

Своеобразной провокацией выступает в стихотворении *Каб дзень абрыдай не пачаць* «незакавыченная» цитата, намек: тот, кто не знает, тот даже не догадается, кому принадлежат эти слова (как правило, ночью по телефону это говорил Сталин):

Зноў тэлефонныя званкі / Сквяруцца поўначчу затрачанай: / — Ты жыў яшчэ, сякі-такі? / Ну, да прыемнага пабачання!..⁵

Смысл использования образной аналогии видится в том, что она не только умножает ракурсы обычного видения и восприятия мира человеком,

³ М. Танк, *Мне пару крыл дало юнацтва...: выбраная лірыка*, Мінск 2003, с. 390.

⁴ Там же, с. 269.

⁵ Там же, с. 437.

но и опрокидывает традиционное, шаблонное, помогая за стертым увидеть новое, за заштампованным — оригинальное, живое. Напомним троянский цикл мифов и возвращение на остров Итаку героя троянской войны Одиссея. Одно из испытаний — путешествие у острова сирен, известных своими дивными песнями, с помощью которых они заманивали на остров людей и кровожадно расправлялись с ними. Одиссей приказал своим спутникам залепить воском уши, а его самого привязать к мачте и даже при его настойчивом желании не отвязывать. Так Одиссей услышал пение сирен и остался в живых. Приключения Одиссея-Улисса пересоздал в одноименном романе ирландский писатель Джеймс Джойс. У него же есть и стихотворение:

Be mine, I pray, a waxen ear / To shield me from her childish croon / And mine a shielded heart for her / Who gathers simples of the moon⁶,

у Танка же:

Я сам вінават... / Што ў свой час, / Як Адысеевы валацугі, / Не заляпіў свае вушы воскам,
/ Каб не чуць твой спеў сірэны...⁷

Сирены Максима Танка — Поэзия, в плен которой попал поэт и так и не смог выбраться из этого плена. Образная аналогия делает картину объемной. Написанный с большой буквы, образ Поэзии воспринимается как символ искусства, которому человек жертвует и самого себя, и всю свою жизнь.

Творчество Максима Танка, рождаясь «на сквозняках столетий», в «аномальной зоне» кипучего творческого вдохновения, стало высококачественным сплавом традиций белорусской литературы и литератур народов мира, органическим симбиозом живого слова и пламенной мысли Поэта.

Белорусский контекст как системное единство в сфере междисциплинарных взаимодействий

Идея междисциплинарности может быть названа одной из ключевых идей научного и художественного познания. Об общности, которая связывает два типа познания — научное и художественное, писал М. Богданович. Уже в начале XX в. белорусский поэт предупреждал, что раскол между ними, отрыв одного от другого без этапов единения имеет негативные последствия как для развития самих наук и искусств, так и для человека, у кого эти две сферы оказались разъединенными:

Наше поэтическое мировоззрение совершенно оторвано от мировоззрения научного; они чужды друг другу, не согласованы между собой; эволюция в одной из этих областей не

⁶ *Английская поэзия в русских переводах. XX век / English Verse in Russian Translation. 20th century*, Москва 1984, с. 669.

⁷ М. Танк, *Мне пару крыл...*, с. 335.

оказывает ощутительного влияния на состояние другой, и, в конце концов, наша духовная сфера оказывается расколота надвое⁸.

В последние десятилетия XX в. о негативных последствиях этой «расколоти» предупреждал Алесь Адамович, опираясь на наследие и авторитет Льва Толстого:

Важнейшей из проблем является и вот эта — ее сегодня формулируют как „ножницы” между техническим прогрессом и нравственным движением, уровнем человечества [...]. «Ножницы», которые увидел, о которых предупреждал Лев Толстой („по степени своего нравственного развития люди не имеют права на пользование опасной для жизни техникой»), сегодня способны перерезать нить жизни — на всей планете!⁹

Обращение к междисциплинарным исследованиям в литературоведении обусловлено самой сущностью литературы как специфического способа познания, отличного от иных видов — религиозного, научного, и вместе с тем существующего в определенном единстве с ними. Принципиальное отличие этих сфер постижения мира содействует их развитию и расцвету. Временное их сближение на почве междисциплинарности оплодотворяет каждую из них, насыщает идеями и образами, которые могут быть развернуты, исследованы и восприняты как собственные приобретения, катализаторы дальнейших поисков, ферменты новых открытий в иной сфере познания.

В 1960–80-е годы междисциплинарность актуализируется в рамках системного (комплексного, проблемного) изучения литературы. Два направления выделяют в его рамках исследователи: использование терминологии и обращение к методологии других дисциплин. Так, Леонид Иванович Тимофеев пишет:

огромные успехи точных наук вызывают естественное стремление представителей гуманитарных наук обогатить изучение своего предмета, обратившись к терминологии и — главное — к методу точных наук¹⁰.

Виктор Зинченко, Валерий Зусман, Зоя Кирнозе в начале 2000-х гг. обобщают:

Комплексное изучение литературы — это исследование ее проблем с привлечением аналитических средств и методологической базы других наук, включая естественные, математику, кибернетику¹¹.

Плодотворность использования в литературоведческом исследовании терминологии и методологии других наук иллюстрируется на примере поэзии М. Танка. Кроме того и сам поэт нередко пользуется такой термино-

⁸ М. Багдановіч, *Паўны збор твораў...*, т. 2, с. 196.

⁹ А.М. Адамович, *Додумываць до канца: Літаратура і трывога века*, Москва 1988, с. 196.

¹⁰ Л.И. Тимофеев, *Основы теории литературы*, Москва 1976, с. 20.

¹¹ В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе, *Методы изучения литературы. Системный подход*, Москва 2002, с. 38.

логией. Обращение к междисциплинарности дает возможность представить поэзию Максима Танка как художественное явление исключительной организованности, позволяет выявить упорядоченность художественного мира писателя, что оригинальным образом (как художественный аналог) отражает организованность и упорядоченность «первой», объективной реальности. Так, в теории систем понятие многоуровневых иерархических структур используется с целью оптимизировать планирование и управление отдельными предприятиями в частности и народным хозяйством в целом. Признавая, что концептосфера писателя — «живой» организм, система, которая изменяется даже после смерти ее демиурга, предлагаем выделить основные абстрагированные уровни: Вселенная — Земля — человечество — нация — Отечество — общество — «другой» — «я».

Многоуровневость художественного мира Максима Танка не просто метафора. Это формула, выведенная на основе междисциплинарного подхода. Она может быть научно доказана и оригинальным образом проиллюстрирована на примере художественных образов, в которых воссоздаются отношения между человеком и Вселенной. Рассмотрим два соотношения между собой уровня: *Вселенная — Земля*.

Ёсьц у Сусвецце планета Зямля. / Ёсьц на Зямлі той краіна адна, / А ў той краіне — прыстанішча, дзе / Сэрца звачэйшыя песні вядзе...¹²

Великие открытия в естественных науках в XX в. были связаны с тем, что в эксперимент была введена личность наблюдателя, экспериментатора. Новые открытия в литературоведении сделаны благодаря введению в коммуникативную цепь «реальность — автор — произведение» личности реципиента, интерпретатора. Системы «Земля» — «Вселенная» сопрягаются через человека — наблюдателя, участника. В поэзии они осмысливаются прежде всего в жанрах философской лирики. Философская мысль поэта имеет космологический характер, где мир воспринимается как единое целое, объединенное в художественной системе стержнем: глубины космоса — Земля. Человек напрямую вплетен в ткань Вселенной, и не только вовне, но и внутри: Вселенная проходит через сердце человека.

Бо хто знае, колькі дарог / Прайсці давядзецца па зорных прасторах, / Пакуль да планеты сваёй дабрыду¹³, —

пишет поэт в 1966-м году.

Таму і ў космасе, калі / Загубіцца шлях мой, / Я пазыўныя буду слаць: / Дзе ты, Зямля? Я — твой...¹⁴, —

в 1984-м.

¹² М. Танк, *Мне пару крыл...*, с. 113.

¹³ Там же, с. 291.

¹⁴ Там же, с. 333.

Не знаю, хто — ці чорт, ці Бог — / Судзіў мне на раду / І выбраў з безлічы дарог / Адну, якой іду¹⁵, —

в 1989-м, на 77-м году жыцця.

Образ паломника, если измерять от штурмера Гете, — традиционно образ молодого человека, активного, неукротимого, быстрого на подъем. Таким — неизменно молодым, неукротимым «штурмером» является Максим Танк на склоне лет. Вместе с тем образ паломника — романтический образ. Путешественник ищет голубой цветок — цветок счастья, то, что в ранней интерпретации было цветком вечной молодости и бессмертия (в эпосе о Гильгамеше), папороть-цветком — у белорусов. Объединяя штурмерскую и романтическую традиции, Максим Танк пишет в конце своей жизни о загадочной Сказочной Стране Солнца и о неостановимости ее поисков. Мотив пути к Стране Солнца далее продолжает Алесь Рязанов: идя к Солнцу, одни останавливаются на полпути, другие входят в солнце, становясь солнцелюдьми.

Солнцелюдьми можно назвать Максима Танка.

В поэзии Максима Танка огромный Космос неразрывно связан с тем, что окружает человека на Земле, с его родиной и прежде всего с тем, что вмещает в себя величайшее из чувств — Любовь:

Зямля трымаецца на трох сланах, / Сланы — на велізарнай чарапасе...¹⁶

Неповторимым образом поэт угадывает самый великий из законов, названный пророком Данте как единый в основе построения Вселенной:

Любовь, что движет Солнце и светила¹⁷.

Максим Танк пишет:

Зямля трымаецца на трох сланах... / А калыска — на песні матчынай...

Стихотворение называется *Космология*. Поэт моделирует Вселенную по своим законам. Законы, заложенные в основе художественного мира Максима Танка, — законы Любви, верности, служения. Так мы находим поэта среди «звезд первой величины» — Данте, Шекспира, Гете.

Земля — человечество

Суммарный образ — образ человечества — возникает, когда мы обращаемся к географии путешествий поэта. Но он же распадется на отдельные образы народов, конкретных людей, состоит из обликов тех мест, где живут

¹⁵ Там же, с. 340.

¹⁶ Там же, с. 104.

¹⁷ Данте, *Божественная комедия*, перев. М. Лозинского, Минск 1987, с. 461.

герои стихов Максима Танка. И вместе с тем особое, конкретное суммируется в художественном мире поэта, выявляя многоцветное, насыщенное жизнью, богатое материальными и духовными сокровищами существование человека на земле.

И не только *Поэт в России больше, чем поэт*, но и в иные времена верной остается эта формула. Поэт больше, чем этнограф, изучающий народы и их образ жизни (*Над озерами Марское вока*). Поэт больше, чем естествоиспытатель. Его айсберги — это сны, которые снятся гренландским китам. Это памятники, молчаливо застывшие в память «шхунам разбитым»¹⁸. Потому что поэт смотрит не только глазами, но и внутренним взором, проникая в самую сущность предметов и явлений.

Путешествия обогатили художественный мир Максима Танка, придав его ландшафтам приметы тех краев, где побывал поэт. Они помогли отстроить ту вертикаль, «Вавилонскую башню», в построении которой, по Василию Розанову, человек

выражает мысль свою и вечную человеческую: от земли и «я» восходит к Богу и вечности¹⁹, а в интерпретации Максима Танка,

каб дасягнуць / Да вышыні нябёс, / Да вышыні / Палёту сваіх мар (*Вавилонская вежа*)²⁰.

Формула человечества, выведенная Максимом Танком, — это формула общего в неповторимом, единства в многообразии, формула любви, уважения к людям, к их обычаям и повседневной их жизни.

Человечество — нация

Беларусы! — ответил незадолго до молодого Максима Танка молодой Янка Купала. Этот уровень объединяет проблемы национальной самоидентификации, национальной принадлежности, поэтому с ним связано все, что позволяет утверждать: Максим Танк — национальный поэт, в его произведениях воссоздан облик белоруса. Якуб Колас, Михась Забейда-Сумицкий, Максим Богданович — белорусы, как и Шекспир, Рембрант — они герои, адресаты его поэзии. В то время как генетики изучают генетический код человека, просто человека, поэты «другие» — они изучают и передают следующим поколениям, другим народам генетический код представителя своей нации.

¹⁸ М. Танк, *Мне пару крыл...*, с. 259.

¹⁹ В.В. Розанов, *Сборник*, вступ ст., сост., подгот. текста и примеч. Е.В. Баранова, т. 1, Москва 1990, с. 20.

²⁰ М. Танк, *Мне пару крыл...*, с. 367.

Поэты учат людей согласию. Они позволяют увидеть их красоту, неповторимость всего того, чем живут эти люди, и увидев, принять их такими, какие они есть, и приняв, полюбить их — неповторимых, оригинальных, других.

Як будзеш у балгараў, / У братняй іх краіне, / Дык не забудзь наведаць / Даліну, руж даліну [...] / Тут мне падаравала / Жывы букет дзяўчына [...] / Каб перадаў яго я / Сваім сябрам, краіне, / Як сімвал брацкай дружбы / Даліны, руж даліны²¹.

Отечество — Беларусь

Отечество — понятие глубоко внутреннее, оно раскрывается в том богатстве, которое собиралось в отчем углу на протяжении поколений, где сохраняется память, тепло очага... Отчизну любит поэт «звонка», «сумна», «бунтарна».

Как не припомнить Роберта Бёрнса, шотландца, признававшегося: *My Heart's in the Highlands...!* Читаем у Максима Танка —

усё бачыш родныя дарогі, / Сінь Нарачы, Беразіну...²², „сасонкі, / Узгоркі і даліны, [...] Ручаіны, лугавіны і гасціны...²³

Поэт учит любить Родину. Его устами проговаривают шумящий разными голосами бор, ручей за селом, дорога, разостлавшаяся вдаль, земля, что прилегла под звездным небом.

Одна со сквозных тем поэзии Максима Танка — тема родного языка. Он посвятил ей много стихов. *Родная мова* написана в 1943-м году. Это стихотворение можно сопоставить со стихами немецких поэтов Тридцатилетней войны в Германии — Андреаса Грифиуса *Величие и ничтожество языка*, Фридриха фон Логау *Немецкий язык*:

Но оголтелый Марс, воздев кровавый меч, / Терзает нашу мысль, пытается нашу речь / И делает ее безликой, бездуховной / В разорванной стране, бесправной и бескровной²⁴.

Стихотворение Логау звучит так же актуально, как и *Родная мова* Максима Танка:

Стаіць акрываўлены вораг з пятлёй / Над спаленай хатай, над родным загонам, / Над будучыняй і над песняй маёй...²⁵

²¹ Там же, с. 253.

²² Там же, с. 84.

²³ Там же, с. 90.

²⁴ *Европейская поэзия XVII века*, Москва 1977, с. 198.

²⁵ М. Танк, *Мне пару крыл...*, с. 85.

Беларусь — общество

Общество — это многослойная, многоуровневая единица, в которой выделяются разные группы. Литература отражает общественные проблемы, соответствующие тому или иному его разделению: гендерные, социальные, политические, профессиональные, конфессиональные, образовательные, семейные. В стихотворении *Ierarchia* Максим Танк воссоздает малый мир семьи в соответствии с идеей, близкой «Вавилонской вежи». Он поминает родных, кого на Раданицу нужно наградить (!), как на праздники награждают победителей. Им нужно подарить рушник, потому что там, на кладбище, лежат «і мой дзед Хведар», «і бабка Ульяна», «і мой бацька Янук», «і маці Домка», помянуть, чтобы на том свете им была «нейкая палёгка»²⁶.

«я» — «другой»

Эта дихотомия символизирует отличие одного человека от другого. Но она же выявляет и единство одного со всеми, со всем, что живет и движется в окружающем нас мире. Прежде всего к этому разделу принадлежит интимная лирика М. Танка. Она имеет объективированный характер, поскольку в ней присутствуют библейские герои, образы древних мифов, легенд, сказок. Субъективное начало возрастает, когда поэт высказывает личную заинтересованность в изменении обретшего свой порядок образа жизни (*Авэ Марыя*), когда повествует о любви лирического героя, за кем выступает сам поэт в разные периоды своей жизни. Образ лирического героя перерастает в символ верности, глубокой преданности женщине, рядом с которой прошли десятилетия жизни поэта.

Терминология и методология «других» наук, таким образом, позволяет литературоведам систематизировать творческое понимание мира и человека, отличающее художника слова от деятелей науки, и на этом основании заявлять об актуальности целостного, системного изучения литературы, в том числе и белорусского контекста в ней.

Белорусский контекст (как и художественный образ в широком смысле слова) как единица схождения научного и художественного типов познания

Общенаучной методологической парадигмой назван системный анализ (подход), в том числе и в литературоведении. Причем, среди аспектов, харак-

²⁶ Там же, с. 342.

теризующих системный анализ, выделяют следующие: опора «на основные понятия теории систем и философские концепции, лежащие в основе исследования общесистемных закономерностей» и объединение «специалистов различных областей знаний»²⁷ и др.

Разделив два типа знаний и практической деятельности (в трагедии *Фауст*), Гете высказывает тревогу, если между ними не происходит взаимодействия:

Любой предмет желая изучить, чтоб ясное о нем познание получить,
Ученый прежде душу изымает, затем предмет на части расчленяет.
И видит их...
Да жаль, духовная их связь тем временем исчезла, унеслась...

Обращаясь к этой формуле Гете и тем самым актуализируя проблему междисциплинарности, В.Н. Волкова называет окончательную цель системного анализа — уничтожение односторонности, утилитарности научного познания. Она утверждает:

Но в отличие от продолжения у Гёте «Да жаль, духовная их связь тем временем исчезла, унеслась...», системный анализ сохраняет и обеспечивает эту духовную связь, т.е. целостное представление об объекте и процессе принятия решения²⁸.

Три перевода одной фразы Мефистофеля, героя трагедии Гете *Фауст*, включая процитированный выше, дают, по нашему мнению, специфическое и точное объяснение сущности научного познания:

Кто хочет знать, что есть живое, / Сначала дух живой убьет, / Все части сложит, / С в я з ь и вскроет — / Д у х о в н о й лишь не достает!²⁹

Во всем подслушать жизнь стремясь, / Спешат явления обездушить, / Забыв, что если в них нарушить / Одушевляющую связь, / То больше нечего и слушать³⁰.

Подчеркнутый образ как раз определяет выделенную нами примету целостности, в данном случае целостности научного и художественного типов познания. В системных исследованиях она называется эмерджентным качеством системы — то, что рождается только в рамках единого целого, не будучи присущим отдельным его составляющим. В то же время это качество дополняет каждый из элементов в пределах единого целого. Вместе с тем именно художественному творчеству присущ духовный заряд, поток творческой энергии, воссоздаваемый творцом и передаваемый им — через свои творения — людям.

²⁷ *Системный анализ и принятие решений: Словарь-справочник*, Москва 2004, с. 442.

²⁸ М. Танк, *Мне пару крыл...*, с. 442.

²⁹ Г.М. Васильева, *Pars pro toto в „Фаусте“ И.В. Гете*, [в:] *XV Пуришевские чтения: Всемирная литература в контексте культуры. Сборник статей и материалов*, отв. ред. М.И. Никола, Москва 2003, с. 47.

³⁰ И.В. Гете, *Фауст*, перев. Б. Пастернака, [в:] его же, *Собрание сочинений в 10 т.*, т. 2, Москва 1976, с. 69.

В 1970-м году Максим Танк писал:

У Гамера ён вучуўся быць сляпым, / У Байрана — кульгаць, / У Поля Фора — донжуаніць,
/ У Хемінгуэя — піць віскі... / І дзівіцца: чаму яго / Не лічаць класікам³¹.

В начале XX в. на вопрос о сущности художественного творчества ответил Максим Богданович:

„Добра граеце... ды ўсё не тое!“ І ніхто не мог растлумачыць, чаму ад грання музыкі так моцна білася сэрца... Ніхто не ведаў, што музыка ўсю душу сваю клаў у ігру³² (*Музыка*, 1907).

Мотив одухотворения — сквозной в мировой литературе и искусстве. Так, Саваоф на картине Микеланджело *Сотворение мира* протягивает руку — вот-вот до нее дотронется рука Адама, и тогда произойдет величайшее из чудес: человек оживет, ибо он получит то, что несет жизнь, — «одуховляющую связь», как сказал бы Гете. Сюжет создания прекрасной Галатеи античным скульптором Пигмалионом помогает Максиму Танку возобновить этот неповторимый миг творения: миг оживления, одухотворения красоты:

Глядзі! Скідае туніку сваю³³.

Этот же мотив присутствует и в ряде других произведений поэта. Максим Танк словно ответил на вопрос про «духовную их связь» в стихотворении *Чытаючы Максіма Багдановіча*:

Кладу свае далоні — / І адчуваю полымя жывое³⁴.

Так, ремесло необходимо, и учиться нужно, нужно учиться у Гомера, Байрона, Поля Фора, Хемингуэя..., но не только оно: только дух создает из неживого живое: Поэзию.

Соприкасаясь с творчеством, было бы идеальным, если бы исследователь-литературовед не разрушал единого целого — художественного мира поэта. Соприкасаясь с поэзией, было бы идеальным, если бы художественное освоение поэтом мира и традиций не разрушало, но перевоссоздавало их целостность. Поэтому любое исследование в определенном смысле должно быть конгениальным произведению, а произведение, в свою очередь, должно быть конгениальным живому миру вокруг нас.

Литература, и литературоведение в том числе, имеет общую сферу изучения вместе с другими способами познания и освоения мира, в том числе научными. В этом случае литература исследуется не столько как художественный мир, сколько как мир, который развивается по общим, независимым от человека фундаментальным законам, является предметом изучения в разных науках, как и является предметом познания и отражения в произведениях литературы. Очевидно, что художественный образ в ши-

³¹ М. Танк, *Мне пару крыл...*, с. 386.

³² М. Багдановіч, *Поўны збор твораў...*, с. 7.

³³ М. Танк, *Мне пару крыл...*, с. 59.

³⁴ Там же, с. 342.

роком смысле слова и белорусский контекст, как одна из составляющих его частей, выступают единицей схождения научного и художественного типов познания.

Присутствие контекста, и белорусского контекста в частности, выступает основой междисциплинарности как фактора взаимодействия разных видов человеческой деятельности, осмысленных, презентованных, отраженных в форме художественного слова. Литературная классика, образцы которой исследованы в ракурсе междисциплинарности, выявляет свой оригинальный, необходимый как человеку, так и обществу гуманистический потенциал. И в этом смысле литература, мировая и белорусская, прочитанная в контексте межлитературных, междисциплинарных связей и взаимодействий, может быть широко востребована в социально значимых в настоящее время дискурсах.

Classics of literature and the Belarusian context: Aspects of interaction

Summary

The three key aspects are highlighted within the comparative studies of Belarusian literature. The Belarusian (Belarusian — international, literature — artistic) context is considered as a phenomenon of interliterature connections and interaction. For example, in a poetic heritage of Maxim Tank there are different kinds of reception. The Belarusian context is a system unity in the sphere of interdisciplinary study. The multiple levels of Maxim Tank's artistic world have been defined basing on the interdisciplinary study and illustrated on the example of the system of artistic images and relationship between them: the Universe — the Earth — the humanity — the nation — the Motherland — the society — “the other” — “I”. The Belarusian context is also a unit of convergence of the artistic and scientific types of cognition. The motif of spiritualizing is viewed as an element of integrity between the interdisciplinary connection system and interaction.

Keywords: Maxim Tank, Belarusian literature, Belarusian poetry.